

МИФЫ О ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ГЕГЕЛЯ

А. И. Бархатков

Философия истории Г. В. Ф. Гегеля – одна из наиболее мифологизированных страниц интерпретации философского наследия великого немецкого диалектика. Выделим здесь два общераспространенных тезиса относительно гегелевской философии истории, которые, несмотря на то что они не раз уже подвергались критике и опровержению в серьезной гегелеведческой литературе, по-прежнему повсеместно встречаются в более общих изложениях истории философии и особенно в учебных пособиях. Тезисы эти частично взаимосвязаны, а частично имеют разное происхождение, но, взятые вместе, создают ту искаженную оптику, через которую сегодня зачастую воспринимается гегелевская мысль.

Первый из них – это тезис о конце истории. Идея того, что исторический процесс в каком-то сущностном смысле подошел к концу, достигнув своей цели, стала популярной благодаря А. Кожеву и, позже, Ф. Фукуяме. И в качестве основоположника этой идеи, как правило, рассматривается именно Гегель. В отличие от второго утверждения относительно философии истории Гегеля, у этого тезиса действительно есть основания в гегелевских текстах: «закольцованный» характер гегелевской системы действительно легко может привести к мысли, что история завершилась, что подлинно историческое событие на определенном этапе становится невозможным. И всё же в современной литературе этот, казалось бы, прочно устоявшийся взгляд всё чаще подвергается сомнению. Наиболее яркий пример этого – книга К. Малабу с говорящим названием «Будущее Гегеля». В ней французская исследовательница, опираясь на анализ понятия пластичности во всём корпусе гегелевских текстов, показывает как своеобразие, так и центральный характер идеи будущего у Гегеля – будущего, которое было бы невозможным в действительно замкнутой на себя, завершённой концепции истории: «Гегелевская философия провозглашает, что будущее отныне зависит от того, каким образом уже наличные фигуры и очертания

могут быть снова введены в игру, от того способа, каким необычайное и неожиданное может возникнуть только из прозы хорошо известного и знакомого» [1, p. 190].

Второй миф касается того общества, которое возникает в исторической концепции Гегеля в результате этого предполагаемого конца истории. Повсеместно встречающийся нарратив говорит о том, что для Гегеля история завершается не чем иным, как современным философу Прусским государством, которое тем самым прославляется как нечто совершенное и разумное. Эта идея о Гегеле как консерваторе и чуть ли не идеологе прусской монархии повторялась столь часто, что практически стала неотъемлемой частью образа немецкого мыслителя. И, в отличие от идеи о конце истории, это попросту миф, который может быть опровергнут на основании многочисленных текстологических свидетельств. Современные биографические исследования Гегеля, такие, как фундаментальные книги Х. Альтхауса, Т. Пинкарда и К. Фивега, однозначно показывают, насколько проблематичным виделось Гегелю современное ему положение дел в Пруссии. Гегель, конечно, не был революционером (хотя до конца жизни и восхищался Великой французской революцией), но он последовательно выступал за самые глубокие реформы прусского государства. И отношение к нему самого Прусского государства было не менее проблематичным: исследования архивов саксонской и прусской полиции показывают не только многочисленные подозрения, но и случаи прямой слежки в отношении философа, которого подозревали в том, что он, на языке того времени, «или сам был демагогом, или имел связи с демагогами» [2, p. 452]. Миф о верноподданническом прославлении Гегелем Пруссии возник уже после смерти мыслителя в среде так называемых «правых гегельянцев», в руках которых в значительной степени пребывало гегелевское литературное наследие в середине XIX века.

Происходящее в современном гегелеведении развенчание устоявшихся мифов о гегелевской философии, равно как и значительное смещение акцентов в интерпретации его идей, касается не только философии истории Гегеля, но и всех других аспектов его философского наследия. И новый образ Гегеля, который складывается в результате этих процессов, иногда очень сильно отличается от того Гегеля, к которому мы уже успели привыкнуть.

Литература и источники

1. Malabou, C. The Future of Hegel: Plasticity, Temporality and Dialectic / Catherine Malabou ; transl. by Lisabeth During. – New York : Routledge, 2004. – 296 p.
2. Pinkard, T. Hegel: A Biography / Terry Pinkard. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 812 p.